

Г.И. Якубанис

**Эмпедокл философ, врач, чародей
Данные для его понимания и оценки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г.И. Якубанис**
Эмпедокл философ, врач, чародей: Данные для его понимания и оценки / Г.И. Якубанис – М.: Книга по Требованию, 2023. – 136 с.

ISBN 978-5-518-07482-8

ISBN 978-5-518-07482-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- 16) *Burnet, J.*, Early greek Philosophy. London and Edinburgh 1892.
- 17—18) *Tannery, P.*, Pour l'histoire de la science hellène. Paris 1887.
Русскій переводъ: Первые шаги древне-греческой науки Н. Н. По-
 лыновой, С. И. Церетели, проф—овъ: Э. А. Радлова и Г. Ф.
 Церетели съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. С.-ПБ. 1902.
 Прозаическій переводъ фрагментовъ Эмпедокла, помѣщенный
 въ этомъ изданіи, исполненъ проф. Радловымъ.
- 19) *Milhaud, G.*, Leçons sur les origines de la science grecque. Paris 1893.
- 20) *Трубецкой, С.* кн., Метафизика въ древней Греціи. Москва 1890.
- 21) *Катковъ, М.*, Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи.
 Москва 1853.
- 22) *Rohde, E.*, Psyche u. s. w. Zwei Bände. 3. Aufl. Tübingen und Lpz.
 1903.
- 23) *Grote, G.*, Plato etc. Vol. I. Third ed. London 1875.
- 24) *Fouillée, A.*, La philosophie de Platon. II t. 2-me édition. Paris 1888.
- 25) *Bergk, Th.*, Empedoclea въ Opuscula philologica Bergkiana ed. a R.
 Peppmüller. Vol. II. Halis Sax. 1886.
- 26) *Ritter, H.*, Ueber die philosophische Lehre des Empedokles въ Litterarische Analekten hrsg. v. Fr. Aug. Wolf. IV. Berlin 1820.
- 27) *Steinhart*, Empedocles въ Allgemeine Encyklopädie u. s. w. hrsg. v. I.
 S. Ersch und I. G. Gruber. 34. Theil. Lpz. 1840.
- 28) *Brochard, V.*, Empédocle въ La grande Encyklopédie etc. Tome quin-
 zième. Paris.
- 29) *Zeller, E.*, Ueber die griechischen Vorgänger Darwins въ Abhandl. der
 Kön. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. Aus dem Jahre 1878.
 Philosophisch-historische Klasse. Berlin 1879.
- 30) *Kern, O.*, Empedokles und die Orphiker въ Archiv für Gesch. der Philos.
 1. Band. Berlin 1888.
-

I. Личность. Общій характеръ міросозерцанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Положеніе вопроса.

Рѣдко какое философское ученіе вызывало столько противорѣчивыхъ оцѣнокъ, сколько вызывало и продолжаетъ до сихъ поръ вызывать ученіе Эмпедокла. Уже изъ античнаго міра доходятъ до насъ на этотъ счетъ самыя противоположныя сужденія, изъ которыхъ отмѣтимъ лишь наиболѣе характерныя. Такъ, съ одной стороны, *Платонъ*, со свойственнымъ ему юморомъ, тонко иронизируетъ надъ Акрагантскимъ мыслителемъ, называя его самого „извѣженной сицилійской музой“¹⁾ и его теорію чувственнаго воспріятія—„трагической“²⁾, а *Аристотель*, не обинуясь, клеймитъ его ученіе какъ наивный, дѣтскій „лепетъ“³⁾; съ другой стороны, вдохновенный апологетъ эпикурейской философіи *Лукрецій* въ страстномъ панегирикѣ поетъ ему хвалу, какъ человѣку, поэту и мыслителю.⁴⁾

Въ новое время разногласіе отзывовъ еще больше. Одни, признавая за Эмпедокломъ исключительно поэтическій талантъ, съ явнымъ пренебреженіемъ относятся къ его ученію въ цѣломъ (*Hegel*).⁵⁾ Другіе, отрицая его значеніе какъ самостоятельнаго мыслителя, считаютъ, однако, его систему болѣе или менѣе удачнымъ и „инте-

¹⁾ Soph. 242, D—E.

²⁾ Meno 76, E.

³⁾ Metaph. I, 4. 985^a 4.

⁴⁾ I, 714, sqq.

⁵⁾ O. I. I. 364.

реснымъ эклектизмомъ“ (*Diels, Kern u др.*)¹⁾. Третьи, выдвигая на первый планъ научные въ современномъ смыслѣ слова элементы его міровоззрѣнія, признають его въ общемъ слабымъ мыслителемъ, но зато одареннымъ гениальной интуиціей изслѣдователемъ природы, „физиологомъ“ (*Benn, Burnet, Tannery, Milhaud, u др.*)²⁾. Нѣкоторые, рассматривая его ученіе въ неразрывной связи съ ученіемъ предшествовавшихъ и современныхъ ему мыслителей, обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на его историческое значеніе (*Zeller u др.*)³⁾. Иные, не входя въ подробную философскую оцѣнку его умозрѣнія, но поддаваясь прелести его поэзіи, въ значительной мѣрѣ примыкають своимъ догматически восторженными отзывами къ Лукрецію (*Bergk*)⁴⁾ и т. д. и т. д. При этомъ всѣ перечисленные взгляды критиковъ сходятся въ одномъ пунктѣ, констатируя въ системѣ Эмпедокла наличность коренныхъ противорѣчій между его „физиологіей“, или такъ наз. „научнымъ убѣжденіемъ“, и мистической „тео—и демонологіей“. Эмпедокль, по остроумному замѣчанію одного изъ этихъ критиковъ, въ своемъ полу-мистицизмѣ, полу-раціонализмѣ самъ походитъ на тѣ безобразныя чудища архаической эпохи, которыя описаны въ его морфологіи⁴⁾.

Есть, правда, попытки примирить эти противорѣчія или путемъ гадательной, сознательно произвольной реконструкціи его ученія въ дуалистическомъ духѣ (*Rohde*)⁵⁾, или на почвѣ сближенія его основныхъ принциповъ съ идеями языческаго религіознаго сознанія (*кн. С. Трубецкой*). Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя не столько по своей исходной точкѣ зрѣнія, которая сама по себѣ не можетъ быть признана вполне оригинальной⁶⁾, сколько

¹⁾ Kern, S. 498, ссылаясь на Diels'a (Sitzungsberichte der Berliner Akademie. 1884. S. 343). считаетъ эту оцѣнку безповоротно доказанной („.....darf heute als ausgemacht gelten“).

²⁾ Оо. II.—passim.

³⁾ Рр. 11—12. Сопоставляя Эмпедокла съ Парменидомъ, авторъ присуждаетъ пальму первенства Акрагантинцу на томъ основаніи, что этотъ послѣдній, не уступая именитому Элейцу въ философскомъ отношеніи, далеко оставляетъ его за собою полетомъ своего художественнаго генія.

⁴⁾ Benn. I, 28.

⁵⁾ II, 187². Авторъ заканчиваетъ очеркъ словами: „So können *vermuthungsweise* die empedokleischen *Phantasien* reconstruirt werden“...

⁶⁾ Такъ, напр., Kern въ вышецитированной статьѣ выводитъ философію Эмпедокла почти цѣликомъ изъ ученія Орфиковъ. Болѣе того: „Empedokles

по той широтѣ и глубинѣ взгляда, съ какими обосновываетъ ее авторъ. Тѣмъ не менѣе и эта попытка не достигаетъ цѣли: духовный обликъ Акрагантянца и здѣсь остается половинчатымъ, полураскрытымъ, полнымъ внутреннихъ противорѣчій, которыя никакъ не могутъ слиться въ органическое единство определенной индивидуальности.

Такъ, авторъ, повидимому, вполне основательно сѣтуетъ на „разлагающее горнило нѣмецкой критики“, удачно уподобляя ее вулкану, поглотившему, по преданію, философа и выкинувшему изъ жерла одни лишь его башмаки ¹⁾. А между тѣмъ онъ всецѣло присоединяется къ оцѣнкѣ Аристотеля, когда тотъ, отождествивъ, вопреки основнымъ требованіямъ объективной критики, концепцію Любви у Эмпедокла со своей собственной философской концепціей Блага, укоряетъ затѣмъ самого Эмпедокла за отождествленіе этого нравственнаго, метафизическаго принципа съ принципомъ матеріальнымъ, физическимъ, какова, по его мнѣнію, Любовь у Эмпедокла ²⁾. Послѣ этого невольно является вопросъ, гдѣ же въ міровоззрѣніи Эмпедокла граница между указываемой авторомъ „слабостью логическаго построения“ и „глубиной мистической идеи“? ³⁾. Одно изъ двухъ. Или такая граница дѣйствительно существуетъ;—но тогда вышеприведенный упрекъ по адресу нѣмецкой критики не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ эта послѣдняя никогда не отрицала значенія мистическихъ идей у Эмпедокла: она просто констатируетъ, какъ фактъ, противорѣчіе между отдѣльными элементами этого міровоззрѣнія, находя его непримиримымъ, что въ сущности дѣлаетъ и самъ авторъ. Или такой границы нѣтъ вовсе;—но въ такомъ случаѣ мы, очевидно, не въ правѣ приступать къ оцѣнкѣ этого ученія съ выработанными лишь впоследствии Сократомъ и Платономъ и завѣщанными намъ Аристотелемъ логическими критеріями и метафизическими постулатами.

Нельзя также не отмѣтить еще одной любопытной стороны разсматриваемой нами реконструкціи ученія Эмпедокла. Обсуждая

wird nicht nur aus den Gedichten der Orphiker Anregung geschöpft haben, sondern auch in den Aeusserlichkeiten des Lebens sich an die Gebräuche dieser Sekte angeschlossen haben“ (505).

¹⁾ Стр. 331.

²⁾ Стр. 329—330.

³⁾ Стр. 326. 329.

свидѣтельство Аристотеля, гдѣ этотъ послѣдній называетъ Эмпедокла отцомъ риторики, авторъ приходитъ къ счастливой мысли дать общую характеристику его личности, причемъ, особенно подчеркивая сицилійское происхождение Эмпедокла, онъ сопоставляетъ его съ бродячими „софистами-чудодѣями“ эпохи Возрожденія и съ современными намъ южно-итальянскими „взбалмошными“ демагогами. „Эмпедокль — демагогъ, странствующій по городамъ въ одеждѣ священника и обращающійся къ толпѣ съ хитроумными рѣчами, предлагающій средства „противъ всѣхъ золъ“—есть несомнѣнно особый и своеобразный типъ софиста, того софиста чудодѣя, котораго Италия не разъ видала впоследствии въ эпоху Возрожденія. Мистицизмъ, эклектизмъ, риторика—все это указываетъ намъ на одну и ту же черту, на пламенную впечатлительность южнаго итальянца. Сицилія и въ наши дни даетъ Италіи риторовъ-демагоговъ вмѣстѣ хитрыхъ и взбалмошныхъ, фантазеровъ, увлеченныхъ собственной личностью, которые первые обманываются собственнымъ вымысломъ и сами не знаютъ, гдѣ начинается ихъ риторика“¹⁾.

Поскольку данную характеристику можно разсматривать какъ попытку уяснить міровоззрѣніе изъ личности мыслителя, она заслуживаетъ, съ нашей точки зрѣнія, полного вниманія (какъ это впоследствии и будетъ нами поставлено на видъ). Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что въ томъ видѣ, какъ она дана, она не только не устраняетъ отмѣченныхъ выше противорѣчій, но создаетъ еще новыя. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между величавыми, глубоко-мысленными, какими считаетъ ихъ самъ авторъ, идеями Эмпедокла и пошлымъ, бессмысленнымъ фразерствомъ современныхъ намъ риторовъ-демагоговъ? Или между искреннимъ, опирающимся на реальные факты, сознаніемъ собственной геніальности и своихъ великихъ общественныхъ заслугъ у высоко чтимаго современниками перваго гражданина Акраганта, которому, по преданію, соотечественники предлагали даже царскую корону, какъ выраженіе признательности за оказанныя родному городу благодѣянія²⁾, и между напыщеннымъ шарлатанствомъ бродягъ-чудодѣевъ, наводнявшихъ Италію въ концѣ среднихъ вѣковъ? И можно ли, наконецъ, слить

¹⁾ Стр. 327.

²⁾ Xanthus et Timaeus ap. Diog. Laert. VIII. 63—64.—Zeller. Ph. d. Gr. I^o, 679.—Holm, G. S. I, 257.

въ представленіи одной личности то серьезное чувство неудовлетворенности, тотъ глубокий пессимизмъ, какимъ проникнуты дошедшія до насъ творенія Эмпедокла съ пустымъ „фантазерствомъ“ южнаго итальянца? А естественно вытекающей изъ основоположеній его ученія взгляды на свое „я“, какъ на переживающаго высшую стадію душепереселенія падшаго демона, которому въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ покинуть этотъ „доль безотрадный“¹⁾ для того, чтобы стать „сожителемъ и сотрапезникомъ безсмертныхъ“²⁾, можно ли истолковывать изъ „увлеченія собственною личностью“, изъ „ничѣмъ не брезгающаго“ стремленія „пріобрѣсти почеть и вліяніе“?³⁾ Словомъ, вся вышеприведенная характеристика въ лучшемъ случаѣ можетъ мотивировать присутствіе риторическаго элемента въ твореніяхъ Эмпедокла, но она нисколько не способствуетъ уразумѣнію внутреннихъ, основныхъ особенностей его творчества, чего, повидимому, слѣдовало отъ нея ожидать⁴⁾.

Итакъ, несмотря на многочисленность и разнообразіе точекъ зрѣнія, съ какихъ подходила къ ученію Эмпедокла древняя и новая критика, несмотря на остроуміе и проницательность новѣйшихъ попытокъ къ восстановленію нарушенной и затемненной для насъ временемъ цѣльности его системы, общая картина міросозерцанія продолжаетъ оставаться невыясненной, а личность философа загадочной.

Существуетъ красивый легендарный разсказъ, будто жители Акраганта воздвигли Эмпедоклу памятникъ-колонну, на которомъ изобразили своего великаго соотечественника съ закрытымъ лицомъ⁵⁾. Этотъ художественный замыселъ оказался пророческимъ.

¹⁾ Фрагм. 121.

²⁾ Фрагм. 147.

³⁾ Стр. 327.

⁴⁾ Въ посвященной Эмпедоклу небольшой статьѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, кн. С. Трубецкой сильнѣе отгѣняетъ культурно-историческій фонъ, на которомъ развертывалась дѣятельность Эмпедокла. Однако его общее сужденіе о мыслителѣ существенно ни въ чемъ не измѣнилось и осталось столь же суровымъ какъ и раньше.

⁵⁾ Hippobotus ap. Diog. Laert. VIII, 72.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предлагаемый методъ.

Спрашивается, чѣмъ это объяснить? Полный и обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ; очевидно, равнялся бы рѣшенію самой проблемы, т. е. вполне убѣдительному изображенію личности и ученія мыслителя, и постольку уже съ внѣшней стороны выходилъ бы далеко за предѣлы непосредственнаго назначенія настоящаго краткаго очерка, требуя взамѣнъ его пространной монографіи. Наша же задача заключается лишь въ томъ, чтобы, отмѣтивъ тѣ общія причины, какія, по нашему разумѣнію, мѣшаютъ критикѣ проникнуть въ сущность оригинальнаго міросозерцанія Эмпедокла, способствовать, по мѣрѣ силъ, болѣе внимательному изученію его, а ближайшимъ образомъ предупредить читателя о необходимости болѣе осмотрительнаго и вдумчиваго отношенія къ тѣмъ немногимъ, сильно пострадавшимъ отъ времени отрывкамъ его поэмъ, переводъ которыхъ и составляетъ центръ тяжести нашей работы¹⁾.

Приступая къ изслѣдованію вышеназванныхъ причинъ, прежде всего считаемъ нужнымъ устранить возможность того предположенія, будто трудность дать ясный и стройный синтезъ ученія Эмпедокла всецѣло обусловливается скудостью, отрывочностью и недостоверностью нашихъ источниковъ. Дѣло въ томъ, что ни отъ одного изъ греческихъ философовъ до-сократической эпохи не сохранилось столь значительнаго сравнительно количества фрагментовъ, какъ именно отъ Эмпедокла. Слѣдовательно, даже не раздѣляя ультра-оптимистическаго взгляда тѣхъ ученыхъ, которые, вопреки очевидной истинѣ, утверждаютъ, будто изъ неисчерпаемыхъ сокровищъ духовной культуры древности до насъ дошло *все* существенно-цѣнное²⁾, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что примѣнительно къ данному случаю у насъ нѣтъ основаній особенно сѣтовать на судьбу. А между тѣмъ мы несравненно опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе представляемъ себѣ міросозерцаніе любого изъ крупнѣйшихъ представителей этого періода, не исключая даже самого „темнаго“ Гераклита. Одни развѣ Пифагорейцы не подойдутъ подъ это опредѣленіе, да и то лишь потому, что ихъ ученіе было ученіемъ школы.

¹⁾ См. Предисловіе.

²⁾ Катковъ, стр. 117.